

АЛГОРИТМЫ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ФОЛЬКЛОРА С НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ НА РУССКИЙ

Работая над переводом фольклорных произведений, переводчики встречаются с двумя диаметрально различными подходами к этой работе. Один из них чаще всего применяется при лингвистических исследованиях текстов, когда фольклорное произведение используется как источник языкового материала и предполагает как можно более точное сохранение особенностей языка оригинала: построения предложений, грамматических форм. Второй подход предусматривает по возможности точную и полную передачу содержания текста средствами языка перевода, он свойствен научно-популярным, не специальным изданиям фольклорных текстов, в которых главной целью является презентация произведения иноязычному и инокультурному читателю во всей полноте смысла. Конечной целью перевода является получение текста, в котором соблюдены требования грамотности на языке перевода, а в случае попытки передачи иноязычных языковых конструкций эти правила могут быть нарушены [Гацак, 1977, с. 192]. Для научного перевода фольклорного текста важно как отобразить исходную языковую природу оригинала, так и передать содержание публикуемого произведения, не теряя его смыслового наполнения. Как показывает практика, выполняя одновременно две эти во многом противоречивые задачи (как того требует научный подход к переводу), переводчик достигает лучших результатов, склоняясь ко второму подходу: фиксация языковых фактов за счет потери важных смысловых элементов затруднена (подробнее об этом см.: [Лиморенко, 2004]).

Опыт работы над переводом фольклорных произведений сибирских народов в двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» позволил сделать некоторые выводы о применении различных методик перевода, позволяющих в той или иной мере выполнить обе названные выше задачи. Ниже они будут представлены на примере тома «Мифы, легенды, предания тувинцев» [Мифы..., 2010].

Основной принцип поиска семантического эквивалента для переводимого слова – это

постепенное приближение к пониманию всех составляющих его значения путем последовательных итераций. Так переводилось слово *дорзук*. Компоненты его значения – «суставы, у скота, на задних ногах» – обобщены в русском «голенные суставы», поскольку специального названия для этой части тела скота в русском языке нет, к тому же речь в тексте шла о людях, а не о скоте.

Нередко подобная операция с поиском семантического эквивалента не дает приемлемого результата, если понятие, описываемое исходным словом, отсутствует в воспринимающей культуре; чаще всего это этнографические и культурные реалии (подробнее об это см.: [Влахов, Флорин, 1986]). Тогда переводчики пользуются другим методом: исходное слово оставляют без перевода, помещая его вместе с толкованием (а нередко и с иллюстрацией) в научный комментарий или в словарь. В этом случае важно определить грань, за которой кончаются возможности перевода и начинаются толкования. На основании опыта работы в Серии мы можем предложить следующий способ определения этой грани: если толкование слова в языке перевода доступно с помощью двух, в исключительных случаях – трех слов, его можно оставить без перевода. Так, тувинское слово *хумун* было переведено как «деревянное ведро»: русскому читателю известно понятие посуды из дерева, для понимания текста этого знания достаточно. К тому же слово это в текстах встречается нечасто. Напротив, слово '*кузунгу (кузүкү)*' оставлено в текстах без перевода и подробно истолковано в словаре, поскольку требует пространного пояснения: «металлическое зеркало, деталь шаманского костюма; им пользуются только опытные шаманы» [Мифы..., 2001, с. 338]. Русскоязычному читателю, если он не специалист, неизвестно, из чего состоит костюм тувинского шамана. Разъяснить это непосредственно в тексте значило бы излишне утяжелить его, тем более что это слово часто встречается в текстах. Поэтому выбор переводчика – вынести эту реалию в словарь.

В некоторых случаях толкование национального слова не сложно, но само слово многозначно. В этом случае предпочтительно оставить слово без перевода, а в словаре или комментариях указать все его возможные значения. Так поступили со словом '*чалан (чала²)*', которое используется в двух значениях: «1) должность старшего чиновника в феодальной Туве во время правления Маньчжурской династии – помощник *амбын-нойона* по гражданским делам; 2) звание, присваиваемое людям, имеющим выдающиеся способности (бегунам, борцам, певцам, мастерам искусства *хоомей*)» [Мифы..., 2010, с. 339]. Читатель, ознакомившись с этим толкованием, сам различает, в каком из значений слово употребляется в текстах.

Встречаются случаи, когда названные выше методы не дают удовлетворительных результатов; чаще всего это касается метафорических выражений, идиом, устойчивых оборотов, свойственных языку оригинала. Их значения не делятся на семантические компоненты, поэтому не могут быть проанализированы путем итераций, а толкование не передает образности. Так, проблему представляло выражение '*дыка-дыка хөөмейлей бергенде*', букв. «сильно-сильно хоомейл», т.е. исполнял песню *хоомей* (разновидность тувинского горлового пения) [Мифы..., 2010, с. 200-201]. Буквальный перевод не передает значения, которое это выражение имеет для носителя тувинского языка, и в переводе пришлось искать более-менее близкий семантический эквивалент. Итоговое решение переводчиков было таким: «впадал в экстаз» (по описанию исполнителя предания, в этом и заключалась способность певца). Буквальный перевод этого выражения дается в научном комментарии, чтобы по возможности приблизить читателя к пониманию специфической образности оригинала [Мифы..., 2010, с. 324].

Особую проблему представляет синтаксис исходного языка. Требование максимального отображения структуры текста средствами языка перевода обязывает, где только возможно сохранять синтаксические особенности оригинала, тем более, что русский синтаксис достаточно гибок для этого. Однако и здесь существует грань, за которой кончается непротиворечивость и понятность русской фразы и начинается

сложная плохо читаемая конструкция. В этом случае выбор делается в пользу ясности предложения, точность передачи синтаксического строя оригинала – на втором месте. Сравнительно простые предложения могут быть переданы довольно точно: *'Ырак сунуму' кижизи*. – Из далекого сумона женщина' [Мифы..., 2010, с. 126-127]. В более сложных предложениях переводчики старались сохранить строение тувинской фразы, где это возможно без потери смысла: *'Өгге орган ядыы-түре²ги эш-өөрү аъттар даажы, алгырган кижии ыдыды ды²нааш, дувүрей бээрзэ, Мөгө-Кадай оларын оожуктуруп кааш, өөндөн үнүп келген*. – В юрте сидевших бедных-нищих [своих] друзей, конский топот, окрик грубого человека услышав, испугавшихся Мөгө-Кадай успокоила, из юрты вышла" [Мифы..., 2010, с. 188-189]. Длинные, сложные по синтаксической структуре предложения в переводе приходится разрывать на более короткие, чтобы не перегружать русское предложение. Например: *"Ол хэвеер-ле аал-коданы чок, аалдар аразынга аян тудуп, тоткан черинге тос хонуп, аштаан черинге алды хонуп, Хемчик дургаар чортуп чоруур Ак-Сал ирей дирти берген*. – С тех пор *аала*-усадыбы не имеющим, между *аалами* поющим белобородым стариком его звать стали. [Он] людей радовал, на музыкальном инструменте играя, где наедался – девять дней, где голодал – шесть дней гостил, вдоль [реки] Хемчик ездил" [Мифы..., 2010, с. 92-93]. Во втором из русских предложений полностью изменена синтаксическая структура: вместо причастий, которые буквально выглядели бы как «радующим», «играющим», «гостящим», «ездящим», использованы глаголы в личной форме. Из-за этого не сохранен параллелизм форм, намеченный в первом из русских предложений: «не имеющим», «поющим».

Объем доклада не позволяет рассмотреть алгоритмы работы над научным переводом подробно, однако дает общее представление о путях поиска переводческих соответствий, разработанных в Серии.

Литература

1. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. Реалии // Мастерство перевода, сб. 6, 1969. М.: Сов. писатель, 1970. С. 432-456.
2. Гацак В.М. Перевод как составная часть научной публикации фольклорных текстов в сибирской и дальневосточной серии (на примере первых подготовленных томов) // Методические указания по принципам научного издания серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Улан-Удэ, 1986. С. 8 -24.
3. Лиморенко Ю.В. К проблеме лингвистической эквивалентности в переводе фольклорных текстов // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 3. С 119-121.
4. Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н.А, Алексеев, Д.С. Куулар, З.Б. Самдан, Ж.М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. 372 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 28).